

Н.С. Зелезинская
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Белорусского государственного университета

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕГОРОВА Л.В. ЭКВИВОКАЦИЯ В «МАКБЕТЕ»:
РЕЧЕВАЯ ПРИРОДА ТРАГЕДИИ: монография. Вологда: ВоГУ, 2018. 164 с.**

Будучи частью английской истории, эквивокация известна в основном англоязычному дискурсу, в российском шекспироведении до монографии доктора филологических наук, профессора Вологодского университета Людмилы Владимировны Егоровой практически не упоминается, проскальзывая в отдельных исследованиях (не всегда шекспирологических). Советское шекспироведение, естественно, не могло увлечься таким чрезмерно политически ангажированным термином, а более позднее пренебрежение/упущение термина объясняется, скорее всего, отсутствием прямого эквивалента в русском языке и менталитете.

Нельзя сказать, что не существовало такого явления, как одновременная реализация в речи двух разных смыслов, однако осознавались они иначе и назывались по-другому, и это особенно хорошо видно на примерах переводов слова *equivocation* в реплике Гамлета (V.1.136–137), приводимых Л.В. Егоровой в монографии:

- А. Кронеберг: «Каков смельчак! с ним надо говорить осторожнее, он загоняет нас словами».

- К. Р. (Константин Романов): «Что за задира этот мужлан! Надо говорить с ним как можно точнее, а то он заставит нас замолчать своими двусмысленностями».

- Б. Пастернак: «До чего досконален, бездельник! С этим народом надо разговаривать с оглядкой, а то пропадешь от двусмыслиц».

- Алексей Цветков: «Что за буквоед этот болван! Прямо по-писаному с ним говори, а то ведь замучает эквивоками». (Интересный и справедливый выбор слова.) [2, с. 34].

Как отмечено в связи со сценой с привратником, «все переводы различны, и интересно видеть многообразие интерпретаций слова *equivocator* на русском. По своему справедливы *лжесвидетель* А. Кронеберга, *словоблудник* С. Соловьева, *двуличный человек* М. Лозинского, *иезуит* и *ваше двуличество* В. Гандельсмана.

Сомнения вызывают *двурушник* Г. Шпета и *подкупной свидетель* Б. Пастернака» [2, с. 61]. Никто не транскрибирует! Слово *эквивокация* не существует в русском сознании, не осмыслено как термин, не отделено от двусмысленностей схожей природы.

Автору первого отечественного исследования эквивокации в творчестве Уильяма Шекспира *volens-polens* достается широкая задача ввести термин в русскую филологическую традицию. Однако (достаточно парадоксально) монография не становится исследованием термина как такового: Л.В. Егорова программно опускает воззрения «на природу эквивокации Бозция, Пьера Абеляра, Гильберта Порретанского, а также Э. Гуссерля, Ж. Делеза, С.С. Неретиной и других»,

обозначая этим перечнем свою осведомленность, но не заинтересованность. Она ограничивает подводящую информацию, не создает своего определения, а пользуется уже существующими (на русском языке – написанными философами), уточняя их по мере необходимости – контекстно, исторически, поскольку во главу угла ставит шекспировский текст как явление литературное и в не меньшей степени историческое. Монография рассматривает трагедию «Макбет» с литературоведческих точек зрения – источники и их сюжетные изменения, датировка, язык, мотивы и темы, переводы, рецепция – через призму эквивокации. Так, например, дата написания трагедии при всех сопутствующих соображениях (на пяти страницах) все же решительно отодвигается на 1606 год, поскольку раньше этого времени эквивокация не могла стать общим местом и отозваться пониманием (и тем более смехом) лондонского зрителя.

Данный подход позволяет не выдать нарезками главы «о главном», которые опытным литературоведом могут быть найдены в сотне источников за пару часов, но выявить *связи*. *Проассоциировать* Макбета с Гаем Фоксом, короля Якова – с Дунканом, леди Макбет – с королевой Маргаритой, Шекспира – с иезуитами. От некоторых соблазнительных связей приходится отказаться за их очевидной гипотетичностью. Л.В. Егорова проводит стратегию доказательности: скрупулезно собирая свидетельства эпохи, не пренебрегая чужим мнением, она выстраивает свое под давлением фактов. К доказательствам привлечены поэтика Джорджа Патнема, письма английского дипломата Дадли Карлтона Джону Чемберлену, хроники Уильяма Шекспира и Эдуарда Холла, представление-приветствие королю Якову от Колледжа святого Иоанна, проповедь Джона Дава в соборе Св. Павла, театральные дневники Саймона Формана, государственные акты, поэзия Роберта Саутвелла и трактат Роберта Сесила и др. Монография внимательна и к чужому прочтению трагедии, многим обязана Джеймсу Шапиро, знакомит с мнениями малоизвестных русскоязычному читателю исследователей, как то работой Джона Клаузе «Шекспир, граф и иезуит». Впрочем, в нарочитую объективность можно вложить больше модальности, чем *кажется*: «Пытки в Англии были запрещены, но в исключительных случаях – с позволения монарха – разрешались» [2, с. 45]. Иногда документы влекут за собой вопросы, на которые пока не найден ответ, предлагая перспективу изучения.

Параллельно с основным, политическим, фоном к рассмотрению привлечены более глубокие и неочевидные нам сегодня течения, которые настолько

трудно интерпретируются через общеосмысленные ренессансные идеи, что часто не принимаются исследователями в расчет. Однако с «Макбетом» невозможно обойти стороной астрологию, колдовство, предрассудки. В начале XVII века имя уже упомянутого «театрала» Саймона Формана, успешного лондонского терапевта без медицинского образования, сочетавшего в своей практике траволечение и ведовство, было известно не хуже имени драматурга Слуг Его Величества короля. Как утверждает Вутер Ханegraaf в солидном труде «Эзотерика и ученые: отверженное знание западной культуры», в Средние века и даже в век Просвещения «понятия оккультизм, магия, эзотерика, предрассудки смешивались и использовались взаимозаменяемо» и играли ощутимую роль в сознании европейца [3, p. 37]. Доказательством тому может служить популярность в Европе XV–XVIII веков 400-страничного труда по магии и астрологии *Picatrix*, синтезировавшего знания многих старинных книг, а также других работ эзотерического характера. Егорова касается аллюзии на способность короля исцелять прикосновением, поверия о ведьмах, плавающих на решетках, реальных процессов над «ведьмами» при короле Якове. Эти связи звучат в монографии явно вторым фоном, хотя, как нам кажется, пьеса «Макбет» в высокой мере является отражением увлеченности и вместе с тем паники перед сверхъестественным, охватившими Англию во главе с королем. Ими в значительной степени объясняется текст, например излюбленный мотив Шекспира – удвоения/утроения/множественности (три ведьмы: «Double, double, toil and trouble»; «Yet I'll make assurance double sure»; «done twice and the done double» etc [Macbeth]).

В отношении основного направления мысли – интерпретации трагедии в связи с историческими событиями – Л.В. Егорова сразу расставляет точки над *i*: «Если обратиться к Шекспиру, очевидно, что в «Макбете» он рисует картину общества, проникнутого тиранией и эквивокацией, при этом, думается, глубинно он далек как от пропагандистского характера, так и от однозначности – плакатности изображения. Невозможно представить, что Шекспир мог серьезно отнестись к мысли о том, что эквивокация должна быть вырвана с корнем и уничтожена. Им, человеком театра, эта идея воспринималась бы как невозможная и бессмысленная» [2, с. 58]. Перспектива времени показала, что, хотя иезуиты и были повешены «without equivocation», сама идея эквивокации пережила короля Якова. В ее двойственной природе заложен потенциал длительного существования, спиралевидного возвращения в определенные моменты истории человечества. И сегодня эта проблема не воспринимается однозначно, что возвращает к мысли о связи времен, об актуальности определенных вопросов на протяжении истории цивилизации, многие из которых были заданы в произведениях Уильяма Шекспира. Хотя судьба эквивокации так тесно переплетена с историей далекой Англии, не удивительно, что она вызывает интерес у специалистов и читателей во всем мире. «Атмосфера, где никому нельзя доверять и где ты сам можешь оказаться без вины виноватым изменником» [2, с. 72] на разных этапах истории не только английской вынуждала людей искать спасение в двоемыс-

лии и двозначности. Примеры эквивокации можно найти и в дневнике Анны Франк, и в деле Эдварда Сноудена. И не происходит ли сейчас в Европе разделения на два лагеря? Остромыслие и иносказательность, характерные для кризисных эпох, всегда предполагали оппозицию носителя свободной мысли и власти, подавляющей ее.

Л.В. Егорова не впадает в философские рассуждения, хотя подразумевает их: «Возможно ли искоренить предательские по отношению к властям способности мышления и речи?» [2, с. 48] Разговор об актуальности эквивокации автор монографии ведет, во-первых, анализируя трагедию с точки зрения одновременной вневременности ее идей и зависимости от времени как от высшей силы. Именно здесь созревают наиболее тонкие имманентные для рассматриваемого явления вопросы: «Что ощущал Г. Шпет, когда писал “невозможное время”? Только ли “время, которое невозможно определить”? Герои невероятно скоро овладели двойным языком тирана и тирании? Такого рода обсуждения в такого рода времена невозможны? Жить в такое время невозможно?» [2, с. 108] Во-вторых, текстуально, отмечая лексику, в рамках трагедии наполненную идеологическими коннотативными значениями, «отмечу актуальность (имею в виду исторический контекст) самого глагола *fear* – *бояться, страшиться*, внедренного в эту пару *fair & foul* в том и в другом случае» [2, с. 120]. В этом подходе чувствуется давно сформировавшаяся методология, что неудивительно, – идеи, основополагающие для эквивокации, были высказаны Людмилой Владимировной давно: «Остромыслие – их способ приближения к Божественному» [1, с. 339].

Ювелирные переходы от истории к тексту и обратно отражают разделенный интерес лондонского драматурга. Шекспир «был в эпицентре обеих “сюжетных линий”, и это был, надо полагать, захватывающий опыт: думать о поворотных моментах истории, ощущая свою причастность к ним; наблюдать за технологиями властей в освещении, интерпретации событий» ... и говорить о них самому. Под лупой исторических документов текст Шекспира играет многочисленными аллюзиями: «В Лондоне их (заговорщиков) встречали, и король Яков сделал запись в “Королевскую книгу” <...> о том, как “толпы людей разных сословий желали их видеть, словно редких чудовищ [*as the rarest sort of monsters*]: глупцы смеялись над ними, женщины и дети дивились, простые люди таранились, мудрые удовлетворяли любопытство, как должно выглядеть столь непредставимое злодейство” <...>

Слова Якова отзвучат в “Макбете” – Макдуф бросит вызов Макбету и в своей угрозе уподобит его *нашим редким чудовищам*» [2, с. 47].

Но в рамках работы важны не столько интереснейшие *связи* исторических документов и художественного текста, сколько свет, который эквивокация проливает на текст. На двойной смысл отдельных лексических единиц (таких как *farmer, blow, train, etc*), многозначных простых глаголов (*to do*), парадоксальность, игру слов, эвфемизмы, шекспировские заимствования и неологизмы, на разночтения и на смысл произведения в целом: «Для меня точку поста-

вил юный Малькольм. Отталкиваясь от (библейской) мысли о том, что, несмотря на падение Сатаны, ангелы по-прежнему светлы (“Angels are bright still, though the brightest fell” 4.3.22), Малькольм настаивает, что, хотя *порочное* – *foul* может принимать какой угодно вид – вплоть до вида добра, добро/милость должны выглядеть так, как им положено, т.е. добром/милостью: “Though all things foul would wear the brows of grace, / Yet grace must still look so” (4.3.23–24). Малькольм разрывает ведьминское тождество или взаимообратимость “Fair is foul, and foul is fair”, вводя вместо *fair grace* – *милость, благодать, добро*. Очень непростая мысль для перевода, ибо здесь сплетены несколько важных для Шекспира тем, и прежде всего *одежды (wear)* и *обмана – выглядит (look, seem) versus быть*» [2, с. 121].

Замечательно, сколько нового выявляет идея двоемыслия в знакомом тексте, добавляет *несказанное*: «Малькольм научился не только не доверять безусловно, но судить о душе ли, расположении ли ума не по лицу, а по реакции (включая словесную) на грамотно выстроенную проверочную ситуацию. Возможно ли уклониться от ответа на его прямо поставленный вопрос? – “If such a one be fit to govern, speak” (4.3.101). В. Гандельсман даже оставляет зазор для *молчаливой оговорки*: “Скажите, / достоин ли у власти быть такой / каков я есть?” Мы можем легко восстановить то продолжение, которое Малькольм мысленно произносит: “...как я обрисовал себя, чтобы проверить тебя”. С учетом “Трактата об эквивокации” мы узнаем четвертый способ – *mental reservation*, уклончивость, реализуемая в молчаливой оговорке <...> Стоит продолжить сказанное вслух произносимым про себя, и молчаливая оговорка позволит считать сказанное не ложью, но эквивокацией» [2, с. 74]. Как тонко можно почувствовать текст, прочесть в нем не только явное, но и скрытое! Так в диалоге Макдуфа с Россом последний страшится поведать об убийстве жены и детей, замедляя свою речь многозначным *well*. Атмосфера эквивокации помогает нам распознать тайный смысл его слов раньше Макдуфа, а вот многие переводчики, как показывает Л.В. Егорова, этого не замечают, и русскоязычный Росс предстает перед читателем бесчувственным чурбаном либо трусливым лжецом: «Переводить *well* как *хорошо* (С. Соловьев, Анна Радлова) или *прекрасно* (Юрий Корнеев) мне представляется странным. В первых репликах данного диалога (последние в большей или меньшей степени удаются) важно дать зазвучать именно эквивокации – не лжи» [2, с. 75].

Даже без анализа переводов монография бы состоялась. Однако для Л.В. Егоровой значимо не только наличие, но и отсутствие *связей*: с сожалением показывает она читателю оборванные нити шекспировских смыслов в русскоязычных переводах и с не меньшим удовольствием – находки, когда переводчику удалось протянуть ниточку от явного к тайному.

«Наблюдение над тем, как в трудных местах работают переводчики, стало сферой моего пристального внимания. С Шекспиром происходят удивительные вещи. Он настолько объемлен и подчас неоднозначен в слове, что каждый из переводов – в своих достижениях и упущениях – что-то приоткрывает, и в совокупности все они приближают к полноте шекспировского охвата, подчас так и не достигая его» [2, с. 10]. Интерес исследователя понятен: удивительно изменяется мир произведения при приложении того или иного переводческого решения. Важны эти наблюдения и с позиции предмета исследования: очевидно, что невнимание к эквивокации, атмосфере инакомыслия, скрытности и подозрительности в «Макбете» обедняет восприятие трагедии русскоязычным читателем, хотя именно это измерение могло бы приблизить английскую пьесу к нашему менталитету, десятилетиями, если не веками прибегающему к диссидентству, инсинуациям, двусмысленностям, сочинявшему анекдоты о диссидентах и прослушке КГБ.

Анализ примеров эквивокации в одной трагедии подводит читателя к тому, что наиболее важно для перевода Шекспира в целом: «На мой взгляд, наилучший вариант перевода <...> оставляет *возможность для всех <...> интерпретаций*», поскольку «двойной (и более) смысл всегда важен для Шекспира. Его работа/игра редко ограничивается одним планом: она многогранна» [2, с. 85], закольцовывая рассуждения автора о многозначности слова. А отсюда и выход на жанровые выводы: «Шекспир глубинным образом удаляется от хроник, оставив их однозначность и прямолинейность» [2, с. 97].

Увлеченный Шекспиром читатель, несомненно, получит огромное эстетическое удовольствие от тонкого анализа оригинала и переводов: «Итак, макбетовское эхо вещим сестрам на русском языке мы слышим у Г. Шпета. Если говорить о комментарии к переводу (сам перевод отменен), мне представляется, что его отличие от оригинала заключается в большей, чем у Шекспира, определенности. Г. Шпет слишком резко работает на контрасте: “Свет есть тьма и тьма есть свет” контрастнее, чем “Fair is foul, and foul is fair”. В атмосфере вещей сестер больше туманности и мглы» [2, с. 120]. Что ж, в значительной степени мгла значений великой трагедии Шекспира рассеяна для русскоязычной аудитории монографией Л.В. Егоровой.

Литература

1. Егорова, Л.В. Английская Библия и становление стиля метафизической поэзии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 / Егорова Л.В. – Москва, 2009. – 356 с.
2. Егорова, Л.В. Эквивокация в «Макбете»: речевая природа трагедии: монография / Л.В. Егорова. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 164 с.
3. Hanegraaff, W. Esotericism and the Academy: Rejected Knowledge in Western Culture / W. Hanegraaff. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 480 p.